

АРАШ —
МАСТЕР ХРАМА
БОГА ХАОСА.

ИДУЩАЯ ПО ПЕСКАМ

АВТОР: НАТАЛЬЯ ТУДАЛЬ

Наталья Тудаль Араш -Мастер храма Бога Хаоса

<https://litres.ru/74213679>

Аннотация

Вашему вниманию представлена вторая книга цикла "Идущая по пескам".♥# Она — дитя пустыни. Орудие Хаоса. И её время пришло. В мире Аорон, где реальности трещат по швам, а магия требует жестокой цены, выживает сильнейший. Араш, найденный с тайной прошлого, выросла в суровом Храме Бога Хаоса. Её детством были не игрушки, а песок, забивающийся в рот, и холодный камень одиночной кельи. Её учителями — не книги, а боль и молчаливое наблюдение. Теперь ей предстоит пройти через самые суровые испытания, чтобы доказать своё право носить звание Мастера и узнать, что скрывает её собственная кровь. Добро пожаловать в эпическое фэнтези, где: Магия рождается из хаоса и требует неслыханной цены. Сила бывает не только в грубой силе, но и в тихом шепоте яда и хитросплетениях алхимии. Клинки помнят своих хозяев и сами вершат судьбы. Каждая реальность хранит свои ужасы и чудеса, а границы между ними тоньше, чем кажется. Начните путешествие по мирам Аорон вместе с Араш — героиней, чьё имя скоро будут произносить с трепетом и страхом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	51
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1

Багровое солнце Тартоса медленно тонуло за зубчатым горизонтом Пустошей Кхарна, окрашивая песчаные дворы Храма Бога Хаоса в цвет запекшейся крови. Воздух, еще днем раскаленный до звона в ушах, стремительно остывал, обещая ночной колючий мороз. Я, Араш, не чувствовала ни того, ни другого, стоя на краю тренировочной платформы. Мои пальцы впивались в шершавый камень парапета, но взор был обращен внутрь себя, туда, где горел образ, врезаемый в память агонизирующим сознанием матери Моргуса.

Не чернильная карта на пергаменте, а память скал, изгиб высохших русел, силуэт одинокой меззы на вершине Черного Пика в сердце пустыни Генэ. Сокровища. Знания, ключ к свободе.

Мысль была пьянящей и предательской. Откупиться от Храма. Выплатить свой «долг» за годы обучения, еду, кров и знание, которое вдалбливали в меня, как кузнец вбивает раскаленный металл в форму. Храм не воспитывал — он ковал орудия. И я, новоиспеченный Мастер, была всего лишь самым новым, отточенным клинком в их арсенале. «Тихий Шёпот» и «Отзвук» у моего пояса тихо гудели, ощущая мое волнение, отвечая на него едва слышной вибрацией.

— Возможно ли это? — мой собственный голос прозвучал в голове холодно и прагматично. Я откинула со лба прядь

темных, до плеч, волос. — Риски колоссальны. Пустыня Генэ не прощает ошибок даже таким, как я. А если Пак узнает...

Аииии... Теплое, пушистое тело прижалось к моей ноге. Моргус. Еще не взрослый грифон, но уже и не птенец. Размах его золотисто-черных крыльев был с хороший щит, клюв и когти — отточенные кинжалы. В мой разум хлынула волна беспокойства, привязанности и простого голода. Я уронила руку на его голову, погрузив пальцы в густые перья.

— Тихо, малой. Я знаю. Ты тоже видел это. Это твоё наследие тоже, — прошептала я, глядя своими ярко-голубыми глазами в его умные, преданные зрачки.

Я мысленно перебирала варианты. Нужен был предлог для ухода. Задание. Желательно — долгое и одиночное. Первое же задание Мастера. Пак наверняка уже придумал для меня нечто «захватывающее», проверку на прочность и покорность. Моя стандартная ученическая роба из прочного темного полотна, с множеством потайных карманов для зелий, порошков и клинков, казалась сейчас тесной клеткой.

Внезапный, резкий звук рога, разносящийся эхом по каменным ущельям храмового комплекса, заставил меня вздрогнуть. Не сигнал тревоги. Сигнал... прибытия. Важных гостей. Не ко времени. Сумерки — не время для визитов.

С низкого поводка, где обычно приземлялись посыльные ястреба, поднялась к небу мощная вспышка оранжевого света — телепортация высокого уровня. Не один человек. Груп-

па.

Любопытство, холодное и профессиональное, заставило меня двинуться вдоль парапета к лучшей точке обзора. Моргус, насторожившись, последовал за мной, сливаясь с удлиняющимися тенями.

На главном дворе, уже залитом светом магических факелов, замерла группа легатов. Не храмовых. Столичных. Их узоры – личины горели на лицах в сумерках, словно живые чернила. Преобладали гости с оранжевым и зеленым уровнем силы — мастера, чиновники. И в центре... я замерла.

Двое с алыми, яростными узорами, которые плясали, как пламя. Легаты высшего эшелона. Воины. И эти лица... в них угадывались знакомые черты. Прямой нос, резкая линия бровей, высокие скулы. Сердце мое сжалось. Дорин.

Я не видела его с момента окончания испытаний. Его отозвали в столицу сразу после церемонии. И вот теперь здесь, рядом с этими людьми, стоял он сам. Высокий, широкоплечий, в безупречных дорожных доспехах столичного легата. Его светлые волосы были коротко стрижены, а в желтых глазах, обычно таких яростных, читалась неестественная отрешенность. Его собственная алая Личина горела ярко, но поза была неестественно прямой, а взгляд устремлен вперед, мимо знакомых храмовых стен. Он выглядел как на параде, а не как дома.

И тут же, чуть поодаль, словно не желая смешиваться с общей группой, стоял другой знакомый силуэт. Более строй-

ный, в строгом темно-синем одеянии Храма Безмолвного Камня, с холодной, сдержанной аурой. Амон. Его узоры мерцали сложным, переплетенным фиолетовым узором на бледной коже. Его глаза, холодные и всевидящие, медленно скользили по фасаду храма, будто оценивая стоимость каждого камня.

Что он здесь делает?

Ворота главного зала распахнулись, и вышел Мастер Пак. Высокий, сухопарый, в своих неизменных темных одеждах, он казался воплощением спокойствия. Он произнес несколько слов приветствия, и группа стала перемещаться внутрь.

В этот момент Дорин резко обернулся. Его взгляд, дикий и беспокойный, метнулся по двору — он искал кого-то. На мгновение его желтые глаза встретились с моим взглядом, с моей скрытой фигурой в тенях. В них мелькнуло что-то быстрое, тревожное, почти паническое. Предупреждение? Затем его спутник — мужчина с алым узором-соколом, положил тяжелую руку ему на плечо, и Дорин, стиснув зубы, повернулся и исчез в дверях.

Амон же, проходя последним, намеренно замедлил шаг. Его голова повернулась в мою сторону. Он не мог видеть меня в сгущающихся сумерках, но он знал, что я там. Уголки его губ дрогнули в слабой, холодной, почти невидимой усмешке. Он слегка кивнул в направлении моего укрытия, как будто говоря: *«Я вижу тебя, диковинка»*, и затем скрылся из вида.

Сердце мое забилося чаще, но не от страха, а от яростного, жгучего любопытства. Игры начались. Родители Дорина, явившиеся с помпой. И его заклятый брат, Мастер конкурирующего храма, здесь, как часть их свиты?

Я ощутила легкое головокружение, и на моем боку, под тонкой тканью робы, будто отозвавшись на всплеск эмоций, заныла и согрелась таинственная метка — серебристый бутон с фиолетово-черными прожилками. Цветок моего взросления. Цветок, чье происхождение я не знала.

«Сокровища могут подождать, — пронеслось в моей голове. — Здесь и сейчас разворачивается тайна, которая бьет ключом у меня под носом. И она как-то связана с Дорином. И... со мной?»

Я резко развернулась, мой плащ взметнулся.

— Идем, — тихо бросила я Моргусу, направляясь не к своим кельям, а к задним переходам, что вели на кухни. — Пора навестить тетушку Ю. У нее всегда в горшках помимо похлебки варятся самые сочные сплетни. Или она знает, как сделать так, чтобы старые раны и старые обиды заговорили.

Пустыня Генэ со своими секретами никуда не денется. А вот возможность узнать, какая игра началась и какую роль в ней отвели мне, могла представиться только раз. И я намерена была эту роль переписать.

Неожиданная встреча заставила меня вернуться несколько месяцев назад.

...Эйфория от посвящения еще пылала в жилах, как раска-

ленный песок под полуденным солнцем. Воздух в Зале Молчаливых Побед, где новоиспеченным Мастерам вручали отличительные знаки, все еще вибрировал от магии и сдержанного ликования. Я стояла по стойке «смирно» в своей простой, но отныне отмеченной фиолетовым шнуром мастерской робе, ощущая его непривычный вес на плече. Мои темные волосы были убраны в строгий узел, открывая лицо и яркие голубые глаза, в которых, я уверена, плескалась смесь гордости и едкого сарказма. *Ну вот и выковали из меня полноценный инструмент. Поздравляю себя.*

Рядом, чуть поодаль, застыл Дорин. Его поза была вызывающе горделивой, алая Личина на скулах пылала почти ослепительно, отражаясь в отполированных доспехах. Высокий, широкоплечий, со светлыми, коротко стриженными волосами и ястребиными желтыми глазами, он выглядел как воплощение силы и уверенности, которой от него и ждали. Он ловил мой взгляд, и в его глазах читалось торжество, вызов и что-то еще, теплое и невысказанное, что заставляло меня внутренне съеживаться. *Ох уж этот большой, преданный щенок. Слишком серьезно все воспринимает.*

Мастер Пак заканчивал свою протокольную речь. Высокий, сухопарый, в темных, бесшумных одеждах, он казался воплощением ледяного спокойствия. Его голос был ровным, лишенным всяких эмоций, а фиолетовая Личина на его лице неопределенного возраста не дрогнула ни разу. «Инструменты обрели свою форму. Теперь предстоит доказать, что

они годны для работы». *Ну конечно, куда же без этого. Мы все тут просто винтики в твоей великой машине, Пак.*

Именно в этот момент тяжелые двери зала с глухим стуком распахнулись, нарушив торжественную тишину. На пороге стоял стражник в доспехах с гербом Умбары — скрещенные корабельные весла над волной.

— Прошу прощения за вторжение, Мастер Пак, — голос стража был громким и четким, — но мы прибыли по срочному распоряжению из столицы. Для Легата Дорина.

Все взгляды устремились на Дорина. Он нахмурился, его уверенность на мгновение дрогнула, сменившись настороженностью. Я мысленно приготовила очередную язвительную шутку про опекунов, но она застряла на губах.

В зал вошли двое. Мужчина и женщина в дорогих, но походных одеждах умбарских аристократов, сшитых из тканей, которые могли остановить не самый острый клинок. И на их лицах горели Личины. Не храмовые, не боевые в прямом смысле, но от этого не менее могущественные. Сложные, яростные алые узоры, говорящие о высочайшем статусе при дворе и огромной личной силе. У женщины в орнаменте угадывались стилизованные кобры, у мужчины — соколы.

Дорин замер. Его собственная алая Личина вдруг померкла, стала казаться детским рисунком по сравнению с этими шедеврами магической геральдики. Его лицо побелело.

— Отец? Мать? — вырвалось у него, и в голосе прозвучало неподдельное изумление. — Что вы... здесь?

Их лица были высечены из камня. Они не смотрели на его фиолетовый шнур Мастера, не выражали ни гордости, ни радости. Их глаза, холодные и оценивающие, скользнули по нему и устремились на другую фигуру в зале, застывшую в тени колонны.

Мастер Амон.

Он стоял, опершись на каменную глыбу, в своем строгом синем облачении Храма Безмолвного Камня. Более стройный, чем Дорин, но жилистый, как натянутая тетива, он источал ауру сдержанной, готовой к взрыву энергии. Его узоры мерцали ровным, спокойным фиолетовым светом. Он наблюдал за церемонией с обычной, слегка отстраненной учтивостью, но в уголках его губ играла тень иронии.

Отец Дорина сделал шаг вперед. Его голос, низкий и обволакивающий, полный неоспоримой власти, разрезал тишину:

— Нас известили, что в испытаниях на звание Мастера участвовал некто из Храма Безмолвного Камня. Мы сочли необходимым... удостовериться.

Амон медленно вышел на свет. Его выражение лица не изменилось. Лишь в глубине холодных, слишком пронизательных глаз заплясали крошечные искорки — не смущения, а скорее мрачного удовлетворения.

— Удостовериться в чем, господин? — его голос был ровным, вежливым лезвием.

— Не играй с нами, мальчик, — в разговор вступила мать

Дорина. Ее голос был похож на шипение ядовитой змеи. — Ты думаешь, мы не узнаем тебя? После всех этих лет? Узоры меняются, но кровь... кровь всегда кричит.

Дорин смотрел то на родителей, то на Амона, и на его мужественном лице читалось полное, абсолютное недоумение. Мне стало его почти жаль. Почти.

— О чем вы? Вы знакомы с Мастером Амоном?

— «Мастером»? — отец фыркнул, и в этом звуке была целая пропасть презрения. — Он никакой не «Мастер» для тебя. Он — твой брат. Твой старший брат, Амори́к, который сбежал из дому, как вор, пятнадцать лет назад, опозорив наш род.

Воздух вырвался из легких Дорина со свистом. Он отшатнулся, будто получив физический удар. Его широкие плечи ссутулились. Он впился взглядом в лицо Амона, ища подтверждения или опровержения.

— Что?.. Это... неправда.

Но это была правда. Теперь, когда пелена спала, можно было видеть. Те же линии вокруг глаз, тот же разрез губ, скрытый под магическими узорами и годами отчуждения.

— Это совершенная правда, — холодно подтвердил Амон. В его голосе не было ни радости от воссоединения, ни боли. Лишь ледяная констатация факта. — Я — Амори́к, первенец вашего знатного дома. Тот, кого вы сочли недостойным обучаться в столичных школах, предпочтя ему его младшего, «более перспективного» братца. Я не сбежал. Я

ушел. И я добился звания Мастера без вашей помощи и ваших связей. В Храме, который вы презираете.

Его взгляд скользнул по Дорину, и в нем читалась не братская любовь, а холодная, выверенная оценка соперника.

— На испытаниях я скрыл это. Мне нужна была объективная оценка его сил. Без предвзятости. Без прошлого. И я ее получил. — Его глаза на мгновение встретились с моим взглядом, и в них мелькнуло все то же научное любопытство, смешанное с показной, почти сладкой учтивостью. *Смотри, какая интересная драма разворачивается. Экспонат №1 и Экспонат №2.*

Дорин стоял, словно парализованный. Его мир рушился на глазах.

— Ты... все это время знал? — прошептал он, обращаясь к Амону. — На испытаниях... ты смотрел на меня и... смеялся?

— Я изучал, — поправил его Амон, и в его голосе прозвучала легкая, язвительная нотка, которую он никогда не позволял себе со мной. — Как изучаю все необычное. Ты силен, брат. Горяч и прямолинеен. Как и наш отец. Но в тебе есть один интересный изъян. — Он сделал паузу, давая словам просочиться, как медленному яду. — Ты позволяешь себе отвлекаться. Например, на нее.

Его кивок в мою сторону был подобен удару кинжала. Дорин вспыхнул от ярости и унижения. Мне же стало неприятно. Меня использовали как таран в их семейной склоке.

Отец Дорина смерил Амона взглядом, полным лютости.

ненависти.

— Ты останешься тем, кем всегда был — беглым щенком без рода и имени. Твое звание здесь ничего не значит в столице. Дорин, — он резко повернулся к младшему сыну, — собирайся. Мы возвращаемся домой. Немедленно. Этот фарс окончен.

Их уход был таким же театральным и оглушительным, как и появление. Дорин, бледный, с разбитым выражением лица, бросил на меня последний взгляд — смесь стыда, ярости и растерянности и покорно последовал за родителями, как побитая собака.

Амон остался стоять в центре зала. Он поправил складки своего плаща, его фиолетовая Личина горела ровным, спокойным светом. Он добился своего. Он сорвал маску со всех.

Мастер Пак, наблюдавший за всей сценой с каменным, нечитаемым лицом, наконец нарушил молчание:

— Семейные разборки за пределами этих стен меня не интересуют, Мастер Амон. Но впредь, если вы посетите наш храм, я буду требовать официального уведомления из Безмолвного Камня. Понятно?

— Совершенно, Мастер Пак, — Амон вежливо склонил голову, идеальный гость. Его взгляд снова нашел меня. — До скорой встречи, Мастер Араш. Надеюсь, следующая будет не менее... продуктивной.

О, непременно, — подумала я, глядя ему вслед.

Именно после этого Дорина и увезли в столицу. А те-

перь они вернулись. Все вместе. И я понимала: представление окончено. Начиналось нечто настоящее. И моя роль в этом спектакле меня категорически не устраивала. Пора было вносить в пьесу свои правки.

Глава 2

...Их имена, данные при рождении, были тяжелыми, как доспехи, и звучными, как удар клинка о щит. Имя, которое носил Дорин, было лишь удобным сокращением, данным ему в стенах Храма. Его полное имя, отражающее статус его древнего и могущественного рода, было **Дориан эль-Касир из Дома Сокола**.

Его брат, Амон, отвергнув имя, данное семьей, взял себе новое, но его происхождение никуда не делось. Его кровь, как ядовито заметил их отец, кричала. И если прислушаться, в холодных слогах его имени угадывался отзвук старого, забытого: **Аморик эль-Касир**. Теперь он был Мастером Амоном из Храма Безмолвного Камня, но для таких, как Пак, и особенно для его семьи, он навсегда остался беглым принцем, пятном на репутации Дома Сокола.

Их алые Личины — Дорина и его родителей — горели в кабинете Мастера Пака как раскаленные угли. Рядом, чуть в стороне, мерцал холодным фиолетовым светом узор Амона. Он стоял, скрестив руки на груди, будто наблюдая за представлением, к которому не имел прямого отношения.

Я, вызванная туда же, застыла в тени у двери, сделавшись частью интерьера, слушая. Моргус где-то на крыше ловил последние лучи багрового солнца, его присутствие в моем сознании было успокаивающим фоном.

— ...и потому мы здесь, Мастер Пак, — голос отца Дориана, Валариуса эль-Касира, был веским и не терпящим возражений. — Угроза реальна. Мы раскрыли нити заговора, ведущие в самые высокие кабинеты Умбары и даже ко двору Императора Азарии.

Его жена, Ливия эль-Касир, с лицом, прекрасным и безжалостным, как лезвие, кивнула. Ее голос был тише, но оттого не менее опасным:

— Кто-то очень могущественный желает сорвать помолвку. Брак наследника имперского престола, принца **Кассиана**, и нашей племянницы, **Ланиссы из Дома Кобры**, — это не просто союз двух сердец. Это клятва мира между Азарией и Умбарой на поколения вперед. Кто-то хочет войны.

— Заговорщики уже предпринимали попытки, — продолжил Валариус. — Отравленное вино, которое случайно выпил дегустатор. «Несчастный случай» на охоте, когда на Ланиссу спустили разъяренного песчаного медведя. Они изощренны и не оставляют следов.

— И вы хотите, чтобы Храм Бога Хаоса предоставил охрану? — уточнил Пак, его пальцы сложены домиком, фиолетовый узор на лице был непроницаем.

— Мы хотим лучшего, — поправила его Ливия. Ее взгляд, тяжелый и оценивающий, скользнул по Дориану, потом по мне, и наконец остановился на Амоне. — Мы хотим, чтобы охрану возглавили они. Мастера. Не солдаты, которых можно купить или запугать, а те, чья воля закалена в Пустошах

Кхарна и ледяных садах Безмолвного Камня.

Дориан выпрямился, его алая Личина вспыхнула от вызова.

— Я готов. Я защищу Ланиссу своей жизнью.

— Твоей жизни недостаточно, сын, — холодно парировал Валариус. — Нужен не просто меч. Нужен ум. Хитрость. Предвидение. Те, кто видит яды, скрытые в комплименте, и нож в спине — в дружеском жесте. — Он посмотрел на Амона. — Его школа... сильна в этом.

Амон медленно кивнул, его лицо все так же ничего не выражало.

— Храм Безмолвного Камня видит то, что другие предпочитают не замечать. Я могу обеспечить... анализ угроз.

— А она, — Ливия указала тонким пальцем в сторону Араш, — может их нейтрализовать. Нам докладывали. Та, что выживает там, где другие сгорают. Та, что может принять любое обличье и чье оружие находит цель. Прагматизм Храма Хаоса в ее лице. Идеальный инструмент для грязной работы.

Мое сердце сжалось. *Инструмент*. Всегда только инструмент.

Пак слегка кивнул, его расчетливый ум уже взвешивал выгоды. Предоставить охрану для невесты такого уровня — это огромное политическое влияние, долги, которые потом можно будет взыскать с Дома Сокола и Кобры.

— Мастер Араш только что получила свое звание. Это бу-

дет ее первое задание. Испытание. — Он посмотрел на нее, и в его взгляде читался приказ. Приказ и предупреждение. — Мастер Дориан будет отвечать за физическую безопасность. Мастер Амон — за выявление угроз. Мастер Араш — за ближнюю охрану и превентивные... меры. Вы будете работать вместе. Вопреки личным антипатиям.

В воздухе повисло напряженное молчание. Дориан сжал кулаки, его взгляд метнулся от брата ко мне, полный ярости и беспомощности. Амон лишь приподнял бровь, словно говоря: «Как интересно получилось».

Я медленно вышла из тени. Постаралась, чтобы мой голос прозвучал ровно и холодно, без тени эмоций:

— Я понимаю задачу. Когда мы отправляемся?

Вопрос был простой и деловой. Идеальная маска для бури, которая бушевала у меня внутри. Заговор против империи. Охрана невесты. Дориан, пылающий обидой. Амон, холодный как лед. И я, как «инструмент» на перепутье.

Но где-то там, в пустыне, ждала моя тайна. Карта, оставленная матерью Моргуса. Ключ к свободе.

Ирония, — подумала я. — Меня посылают охранять чужую невесту, в то время как моё собственное будущее висит на волоске. Что ж. Возможно, в суматохе дворцовых интриг найдется момент, чтобы сделать шаг к своей собственной цели.

Первое задание Мастера начиналось. И оно пахло не песком и кровью, а ядами, предательством и большей полити-

кой.

Телепортационный ковчег Храма Бога Хаоса выбросил их на окраине города-крепости **Энкор**, известного своими искусными ремесленниками и самым большим рынком в регионе. Стены Энкора, высеченные из единой скалы, были пронизаны древними рунами, подавляющими любые попытки магического проникновения. Никаких порталов внутрь. Только главные ворота, днем и ночью охраняемые десятками стражников в доспехах, инкрустированных подавителями магии.

Воздух здесь был другим. Не сухим и раскаленным, как в Пустошах Кхарна, а влажным, напоенным запахом орошаемых полей, цветущих садов и дыма кузниц. Я, привыкшая к пустыне, чувствовала себя немного неуютно. Мой организм, невосприимчивый к экстремальным температурам, тем не менее, отмечал эту новую, чуждую сырость.

Их тройка представляла собой молчаливую, напряженную группу. **Дориан** шел впереди, его плащ развевался, алая Личина горела открыто и вызовом. Он был здесь законным представителем своего Дома, и его гордая осанка не оставляла в этом сомнений. **Амон** двигался бесшумно, словно тень, его фиолетовые узоры были приглушены, а взгляд непрерывно сканировал крыши, окна, толпу, вычисляя угрозы с холодной точностью машины. **Я** замыкала шествие, лицо было скрыто амулетом-личиной, который сейчас показывал

лишь чистое лицо ученицы. Мои клинки были скрыты под плащом, но я чувствовала их готовность, их тихое «пение», сливавшееся с шумом улицы.

У главных ворот Дориан предъявил амулет — нефритовый диск с высеченным гербом Дома Сокола, обвитым императорской змеей. Старший стражник, человек с уставшим лицом и оранжевым, потускневшим от времени узором на щеке, внимательно изучил его, кивнул и отдал приказ. Массивные, окованные металлом ворота с скрежетом приоткрылись, пропуская их внутрь.

Энкор бурлил. Улицы были заполнены торговцами, ремесленниками, крестьянами с тележками. Воздух звенел от звонка монет, криков зазывал и гула голосов. Роскошные паланкины знати с трудом пробивались через толпу, а стража то и дело расталкивала людей, чтобы очистить путь.

— Прямо к цитадели наместника, — отрывисто бросил Дориан, не оборачиваясь. — Там ждет Ланисса и ее люди.

Они углубились в более широкую улицу, ведущую к центральному холму, на котором стояла резиденция правителя. Здесь толпа была чуть реже, но не менее пестрой.

Именно здесь я первой почувствовала неладное.

— *Слишком тихо,* — мысль, острая, как бритва, пронзила общее напряжение.

— *Что?* — откликнулся Дориан, на мгновение сбитый с толку.

— *Не голоса. Запахи. Пряности, жареное мясо, духи... и*

миндаль. Горький миндаль.

Яд. Цианистый состав. Кто-то нес его с собой, много.

Амон, не меняя выражения лица, тоже уловил изменение. Его глаза сузились.

— Торговцы фруктами слева. Слишком много и не по сезону. Это приманка.

В следующее мгновение мир взорвался.

С тележки, груженной якобы спелыми персиками, вырвался сноп ослепительно-белого света. Не магии Хаоса, а чего-то технологичного, инородного. Луч, испускающий низкочастотный гул, прошелся по мостовой, и камень под ним не раскололся, а... *растворился*, оставив после себя дымящуюся траншею.

Иномирцы.

С криками «Белая Чума!» толпа впала в мгновенную панику. Люди бросились врассыпную, создавая хаос и мешаясь под ногами.

С «крыш» низких домов спрыгнули три фигуры. **Перевёртыши.** Гибридные формы: голова шакала на мускулистом человеческом теле, голова стервятника, голова пустынной рыси. Их когтистые лапы сжимали отравленные клинки. Их цель была очевидна — отсечь группу, не дать им двигаться к цитадели.

— Круг! — скомандовал Дориан, и его собственные клинки с шипением вышли из ножен, заливая все вокруг алым светом его силы.

Амон не стал вступать в прямую схватку. Он сделал шаг назад, растворившись в тени падающего от паники торговца, и его руки описали в воздухе сложный знак. Воздух перед нападавшими сгустился, стал вязким, как смола. Один из перевёртышей, с головой рыси, споткнулся, будто наткнувшись на невидимую стену, и его яростный бросок захлебнулся.

Я действовала без звука. Я рванулась с места не на шакалоголового наемника, а в сторону. Туда, где из-за угла, прижимая к груди кожаную сумку, человек в плаще торговца поднимал странный прибор, похожий на арбалет без тетивы, целясь в Дориана. *Стрелок. Настоящая угроза.*

Мои клинки, «Тихий Шёпот» и «Отзвук», материализовались в руках по зову воли. Они не запели — они *взвыли*, коротко и яростно. Паразитный белый луч иномирца, целившийся в меня, рассеялся в метре от тела, встреченный невидимым барьером моей собственной, чужеродной энергии. Я не стала его добивать. Метнула «Тихий Шёпот» плашмя, как метательный нож. Клинок, ведомый моей волей, описал в воздухе дугу и вонзился в руку стрелка, выбивая устройство.

Дориан в это время сошелся в яростном танце с двумя перевёртышами. Его стиль был агрессивным, подавляющим. Алый свет его клинков оставлял на их оружии и доспехах глубокие, дымящиеся борозды. Он был сильнее, быстрее. Но их было двое, и они дрались грязно, пытаясь зайти сбоку, поймать его на ошибке.

Амон, тем временем, нейтрализовал техников-иномир-

цев. Он не атаковал их напрямую. Вместо этого он манипулировал окружением. Навес над лавкой рухнул им на головы, засыпав обломками. Ящики с фруктами покатались под ноги, сбивая с толку их сенсоры. Его магия была точечной, расчетливой, экономичной.

Бой длился меньше минуты. Когда городская стража, наконец, пробилась через толпу, им предстала картина разрушения: дымящиеся участки мостовой, раненые перевёртыши, скованные невидимыми путами Амона, и иномирец, оглушенный умелым ударом рукояти моего клинка. Второй техник бежал.

Дориан, тяжело дыша, окинул взглядом место схватки. Его взгляд упал на меня, которая уже стояла над обезвреженным стрелком, мои клинки были чисты, а лицо снова скрыто серой личиной.

— Ты... почуяла их раньше всех, — произнес он, и в его голосе сквозь ярость пробилось некое удивление.

— Горький миндаль трудно не заметить, — сухо ответила я, подбирая странное оружие иномирца. — Это была не попытка убийства. Это была проверка. Разведка боем.

Амон вышел из тени, смахнув несуществующую пыль с рукава.

— Совершенно верно. Они изучали наши стили, нашу координацию. И сообщили кому-то о результате. — Он посмотрел на стрелка, и в его глазах вспыхнул холодный, голодный интерес. — Этот человек, однако, не иномирец. Он

местный. Наемник. Наверняка у него есть информация. И я узнаю ее.

Лицо Дориана омрачилось. Их миссия только началась, а враг уже знал об их прибытии и устроил им «встречу». Кто-то предупредил их. Кто-то внутри стен Энкора.

Я посмотрела на дворец на холме, который теперь казался не убежищем, а ловушкой. Первое задание Мастера превращалось в смертельную игру, где они были и охотниками, и дичью.

Глава 3

Цитадель наместника Энкора пахла влажным камнем, воском для полировки паркета и тоской. Воздух был густым и неподвижным, словно в гробнице. Я стояла у резного оконного проема, скрестив руки на груди, и наблюдала, как последние лучи багрового солнца играют в позолоте на лепнине потолка. После вольных ветров Пустошей Кхарна это благолепие вызывало тошноту.

«Тихий Шёпот» и «Отзвук» у моих бедер тихо вибрировали, выражая общее недовольство. Моя новая, «мастерская» роба из темно-серой, почти черной ткани была удобной и функциональной, с десятком потайных карманов, но здесь она чувствовала себя неуместно, как сапоги кочевника на балу. Я мысленно перебирала свой скромный арсенал, припрятанный в складках одежды: пару флаконов с успокоительным, пакетик с порошком, вызывающим временный паралич, и мой верный амулет-личину, который сейчас лежал гладким холодным диском на груди, скрывая мои узоры и даря чувство хоть какой-то анонимности.

— Нравится вид? — раздался у меня за спиной голос, холодный и ровный, как поверхность озера в безветренную ночь.

Я не обернулась. Я знала, что это Амон. Он подошел бесшумно, как и всегда. В своем строгом одеянии Храма Без-

молвного Камня — темно-синий кафтан с высоким воротником, подчеркивавший его худощавую, но жилистую фигуру, — он выглядел как ожившая тень. Его светлые волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб и лицо с тонкими, словно высеченными из мрамора чертами. Фиолетовые узоры на его скулах мерцали приглушенно, но в их сложном переплетении читалась опасная сила.

— Вид как вид, — пожала я плечами. — Окна зарешечены, подоконники выше колена, чтобы не спрыгнули. Стандартный набор гостеприимства для важных персон. Напоминает мне зверинец в Гомбите. Только клетка позолоченная.

Уголок его губ дрогнул в слабой, почти невидимой усмешке. Его глаза, цвета холодной стали, изучали меня с тем же любопытством, с каким ученый рассматривает редкий экземпляр жука.

— Прагматично. Хотя, полагаю, для будущей невесты императора подобные меры — необходимость.

— О, да, — я наконец повернулась к нему. — Невеста. Самый ценный приз в политической игре. Ее заперли в самой красивой комнате самой прочной крепости, и теперь мы, три обученных сторожевых пса, должны следить, чтобы с игрушкой ничего не случилось. Вдохновляюще.

— Мы — Мастера, Араш, — мягко поправил он. Его тон был вежливым, но в нем не было ни капли настоящего тепла. — И наша задача, обеспечить стабильность Империи. А стабильность, как известно, держится на таких вот союзах.

В дверях зала появился Дориан. Вернее, врезался, как песчаная буря. Его широкая фигура в отполированных до зеркального блеска дорожных доспехах, украшенных гербом Дома Сокола, казалось, заполнила собой все пространство. Светлые волосы были коротко стрижены, алое сияние его Личины бросало багровые блики на стены. Его желтые глаза, обычно пылающие яростью или задором, сейчас были напряжены.

— Где она? — спросил он, его голос прозвучал громче, чем требовалось.

— В своих покоях, готовится к ужину, — ответил Амон, не глядя на брата. — Если, конечно, ее не распугали громopodobные шаги ее главного защитника.

Дориан проигнорировал колкость.

— Периметр проверен. Стража расставлена. Но этого недостаточно. Араш, я хочу, чтобы ты лично осмотрела ее комнаты. Проверь вентиляцию, воздуховоды, все, куда можно пронести яд или подслушивающее устройство.

— Уже сделано, — парировал Амон, все так же глядя в окно. — За час до вашего энергичного появления. В воздуховодах обнаружены следы недавней очистки, что подозрительно. Я велел установить там решетки с моими личными охранными рунами. Пассивного типа. Ничего смертельного, просто... усыпляющие.

Я сдержала улыбку. «Усыпляющие». Вероятно, навсегда. Стиль Амона был таким же холодным, точным и без лишней

суеты. Дориан же предпочитал таранить лбом каменные стены. Интересно, какой метод окажется эффективнее в этой игре.

— Хорошо, — Дориан кивнул, вынужденно признавая полезность брата. Его взгляд упал на меня. — Ты будешь рядом с ней сегодня на ужине. Внутри зала.

— В роли тихой, скромной фрейлины? — поинтересовалась я, поднимая бровь. — Боюсь, у меня не тот типаж.

— В роли Мастера Храма Хаоса, — поправил он, и в его голосе прозвучала привычная повелительная нотка. — Нашего простого присутствия должно хватить, чтобы охладить пыл большинства идиотов.

«Большинства, но не всех», — подумала я, но вслух не сказала.

В этот момент дверь в покои отворилась, и вышла Ланисса из Дома Кобры.

Она была... хрупкой. Высокой и стройной, как тростник, в платье из умбарского шелка цвета морской волны, расшитом серебряными нитями. Ее волосы, темные и длинные, были убраны в сложную прическу, обнажающую тонкую, бледную шею. Линии ее Личины — сложный, изящный узор кобры зеленого уровня, мягко светились на щеке. Но ее глаза... большие, цвета темного меда, были пустыми. В них не было ни страха, ни высокомерия, лишь покорная, ледяная отрешенность. Она выглядела как живая кукла, которую принесли в дар.

«Зеркало», — молнией пронеслось у меня в голове. Мы с ней были так похожи. Ее заперли в золотой клетке ради политического союза. Меня вырастили в каменной тюрьме Храма, чтобы сделать идеальным орудием. Ее продают за влияние. Меня хотят использовать в своих целях, не считаясь с моим видением своей дальнейшей жизни. Разница лишь в том, что я намерена сбежать. А она... она, кажется, уже смирилась.

— Госпожа, — Дориан сделал шаг вперед, и его голос неожиданно смягчился. Он склонился в почтительном поклоне. — Позвольте представить ваших защитников. Мастер Амон из Храма Безмолвного Камня и Мастер Араш из Храма Бога Хаоса.

Ланисса медленно перевела на нас свой взгляд. Он скользнул по Амону без интереса и задержался на мне. На моей простой, темной робе, на моих руках, привыкших держать оружие, а не веер.

— Мастер Араш, — ее голос был тихим, мелодичным и безжизненным. — Говорят, вы не знаете страха.

— Страх — это роскошь, госпожа, — ответила я, глядя ей прямо в глаза. — которую не все могут себе позволить. Я предпочитаю бдительность.

В ее пустых глазах что-то мелькнуло. Быстрая, как тень, искорка понимания. Она кивнула, почти незаметно.

— Я чувствую себя в безопасности под вашей защитой, — произнесла она заученную фразу и прошла вперед, к за-

лу для ужина, ее шелковое платье зашуршало по каменным плитам.

Дориан пошел за ней, его мощная фигура выглядела буль-догом на поводке у изящной левретки. Амон жестом пригласил меня следовать.

— Интересный экземпляр, не правда ли? — тихо произнес он, идя рядом со мной. — Полное самоотречение. Редко встречается в таком юном возрасте. Обычно этому учатся годами.

— Ее научили, — буркнула я. — Так же, как нас учили быть оружием.

— Но мы, в отличие от нее, научились думать, — парировал он. — И иногда... действовать в своих интересах.

Я бросила на него быстрый взгляд. Он смотрел прямо перед собой, его лицо было невозмутимым. Но в его словах был намеренный подтекст. Он зондировал почву. Он искал слабое место не в обороне цитадели, а во мне.

Ужин проходил в молчании, прерываемом лишь тихими вопросами Дориана о самочувствии Ланиссы и ее односложными ответами. Я стояла в тени за ее стулом, чувствуя себя самым дорогим и самым бесполезным предметом интерьера в зале. Мои пальцы сами собой искали на поясе рукояти клинков, но находили лишь складки ткани.

«Вентиляция, воздуховоды... — думала я, глядя, как Ланисса механически подносит ко рту кусочек фрукта. — А если яд не в еде? Если он в аромате свечей? В воде для умы-

вания? В лепестках цветов, что стоят у нее в опочиване?»

Эта мысль заставила меня снова вспомнить Верду. Старую, хитрую лису. «Помни, девочка, — говорила она, втирая мне в рану мазь, пахнущую гнилью и мятой. — Самый опасный яд тот, который ждет своего часа. Прячет его не в скорпионе, а в букете цветов. И самый верный способ выжить — всегда иметь при себе противоядие. Или... заранее отравить самого цветочника».

Мудрость Верды была мрачной, но практичной. Она никогда не лезла в драку первой, предпочитая, чтобы угрозы устраняли друг друга. Она уважала меня за стойкость, но всегда имела наготове пару козырей. Именно она научила меня, что сила — это не только умение разбивать черепа, но и искусство оставаться в тени, дергая за ниточки.

Я посмотрела на затылок Ланиссы. На ее тонкую, беззащитную шею. И на Дориана, который смотрел на нее с смесью долга и зарождающейся симпатии. Он искал в ней то, что не нашел во мне — покорность, понятность, соответствие ожиданиям его мира.

«Ищи, Дориан, — подумала я без злобы. — Охраняй свою принцессу в башне. А я пока поищу лазейку в стене этой башни. Для себя».

Моя рука произвольно потянулась к боку, где под тканью робы теплился и пульсировал серебристый бутон. Цветок моей свободы. Он напоминал мне, что у меня есть своя цель. А эта вся цирковая труппа с невестами, заговорами и

братскими разборками, лишь временный антракт.

Амон, сидевший напротив, поймал мой взгляд. Он слегка наклонил голову, и в его стальных глазах читалось безмолвное понимание. Он видел мою игру. И, похоже, был не против в ней поучаствовать.

Вечер только начинался, а паутина интриг уже опутала нас всех. И что самое забавное, я начала плести в ней свои собственные узоры.

Ночь в цитадели была густой и звонкой. Тишину нарушали лишь мерные шаги стражи в коридорах да отдаленный лай сторожевых псов. Воздух в моей каморке, отведенной рядом с покоями Ланиссы, был спертым. Я сидела на жесткой койке, скрестив ноги, и на слух проверяла заточку «Тихого Шёпота». Ритмичное шипение стали о мелкий абразивный брусок действовало медитативно.

Спи, Араш. Я сторожить, в сознании прорвалась волна теплой заботы, пронизанной зевком. Это был Моргус. Он устроился на плоской крыше цитадели, откуда ему был виден весь периметр. Его взрослеющее тело, уже размером с крупного моранга, требовало покоя, но дух грифона бодрствовал, сливаясь с ночью.

Спи сам, пернатый комок тревог, — мысленно улыбнулась я ему. *Если увидишь что-то интереснее летучих мышей, дай знать.*

Интересное... есть. Двуногий. Тот, что пахнет холодным

камнем. Ходит по кругу. Внизу.

Амон. Не спит. Что ж, у беспринципных расчетливых типов, похоже, тоже бывает бессонница. Я отложила клинок. Мои пальцы сами потянулись к маленькому, спрятанному в складках робы, кошельку. В нем лежало несколько засушенных лепестков, крошечный пузырек с маслом и пара зерен. Не яды, а противоядия. И кое-что еще, чему научила меня Верда. «Лучший способ узнать, что тебя хотят отравить — подсунуть отравителю то, что он не ожидает найти».

Встала и, не производя ни звука, выскользнула в коридор. Мне не нужен был Амон. Мне нужно было то, о чем он, в своей холодной гениальности, мог и не подумать.

Цитадель спала. Я двигалась как призрак, сливаясь с тенями, мои шаги не оставляли следов на отполированном каменном полу. Я обошла покои Ланиссы, проверяя руны Амона. Они были на месте, сложные и пассивно-агрессивные. Все было так, как он сказал. Слишком чисто.

Мое внимание привлекла дверь в конце коридора, приоткрытая на волосок. Оттуда доносился сладковатый, тяжелый аромат. Я знала этот запах. Парфюмерная мастерская. Или покои фрейлин.

Дверь поддалась беззвучно. Внутри было темно, но мои глаза, привыкшие к ночи Пустошей, легко различали контуры. Небольшая комната, заставленная столиками с флаконами, сушеными травами и ступками. И на центральном столе, в хрустальной вазе, стоял букет. Белые лилии и голубые ло-

тосы. Цветы Умбары, символы чистоты и... вечного сна.

Я подошла ближе. Аромат был густым, удушающим. Слишком густым для свежесрезанных цветов. Я аккуратно, кончиком ножа, отогнула лепесток лотоса. Под ним, у самого основания, виднелся крошечный, не больше ногтя, мешочек из тончайшей пленки, наполненный маслянистой жидкостью. Тот самый запах горького миндаля, замаскированный духами. Медленно действующий нервно-паралитический яд. Он испарялся, смешиваясь с ароматом цветов, создавая невидимое смертельное облако. Достаточно провести рядом несколько часов...

«Цветочник», — вспомнились мне слова Верды. Так она называла отравителей, работающих с растениями. Изящно. И мерзко.

Я услышала шаги за спиной. Медленные, уверенные. Я не обернулась.

— Не можешь уснуть, Мастер Амон? — тихо спросила я, не отрывая взгляда от цветка.

— Полагаю, бессонница — профессиональная деформация, — его голос прозвучал прямо у меня за спиной. Он подошел бесшумно. — Как и привычка обыскивать чужие покои в третьем часу ночи.

— Это покои фрейлины, — поправила я. — Или, вернее, были. Судя по слою пыли, здесь никто не живет. Идеальное место для хранения... композиций. — Я указала ножом на мешочек.

Амон наклонился. Его лицо оставалось невозмутимым, но фиолетовые узоры на его скулах вспыхнули чуть ярче.

— Любопытно, — произнес он без тени удивления. — Не в еде, не в вине. В воздухе. Расчет на то, что простые проверки ничего не дадут. Профессионально.

— Профессионалы не оставляют таких очевидных следов, — фыркнула я, аккуратно срезая мешочек и упаковывая его в маленький свинцовый контейнер. — Это работа подмастерья. Или... приманка.

— Чтобы отвлечь наше внимание от чего-то другого, — закончил он мою мысль. Он выпрямился и посмотрел на меня. В его холодных глазах читалось нечто новое — не просто научный интерес, а уважение. — Вы обладаете неожиданной... проницательностью, Мастер Араш.

— Я просто не люблю, когда гибнут невинные, — пожала я плечами, пряча контейнер. — Даже если они будущие императрицы в золотых клетках. Это дурной тон.

— А вы не считаете, что следует немедленно доложить об этом Мастеру Дориану? — в его голосе прозвучала легкая, язвительная нотка.

— И лишить его драгоценного сна? — я подняла бровь. — Он и так весь издергался, охраняя свою принцессу. Пусть спит. Мы с вами справимся. — Я метнула взгляд на Амона. — Вы же ведь не для того здесь бродите, чтобы любоваться звездами?

Уголки его губ снова дрогнули.

— Я изучал отчеты о поставках провизии в цитадель. Обнаружил небольшие несоответствия. Недостачу одного сорта умбарского вина, которое особенно ценит наместник. И избыток... горького миндаля в счетах парфюмерной лавки.

Мы стояли в полумраке комнаты, объединенные молчаливым пониманием. Он искал заговор в цифрах и документах. Я в запахах и тенях. И мы нашли одно и то же.

— Значит, работаем вместе? — предложила я. Без энтузиазма, просто констатируя факт.

— Временный альянс, — кивнул он. — Пока наши интересы совпадают. Я нашел склад, куда свозится эта «недостача». На окраине Энкора. Старая усыпальница.

— Зловеще, — усмехнулась я. — И банально. Пуджи, я полагаю? Кочевники-работорговцы обожают подобные места.

— Вероятно, — согласился Амон. — Интересно, что они планируют делать с вином и ядами. Устранить невесту, лишь часть плана. Должен быть и второй акт.

— Разрушить союз, опозорив одну из сторон, — сказала я, глядя на цветы. — Представьте, невеста мертва, а в покоех наместника находят бочку с отравленным вином... или наоборот. Война обеспечена.

— Прагматично, — заключил Амон. — И эффективно. Мы помолчали. Где-то внизу, во внутреннем дворе, прошел патруль. Лязг доспехов на мгновение нарушил тишину.

— Я нейтрализую яд, — тихо сказала я. — Вы займетесь

складом?

— Уже отдал распоряжение, — так же тихо ответил он.
— Люди Безмолвного Камня работают тихо. К утру от склада останется лишь пепел. И несколько... сломанных игрушек для допросов.

В его голосе прозвучала ледяная жестокость, от которой по коже пробежали мурашки. Этот человек был опасен. Но сейчас его опасность была направлена не на меня.

— Тогда, пожалуй, я пойду. Спокойной ночи, Мастер Амон.

— Спокойной ночи, Мастер Араш. И... благодарю за бдительность.

Я выскользнула из комнаты, оставив его в темноте рядом с мертвыми цветами. У меня на душе было странно спокойно. Врага можно было победить в честном бою. Но эта паутина из ядов, интриг и чужих судеб... в ней можно было только запутаться. Или научиться плести свою собственную паутину.

Возвращаясь в свою каморку, я почувствовала, как на боку, под тканью, тепло пульсирует мой серебристый цветок. Он будто одобрял мой выбор. Я не была пешкой в игре Дориана или Амона. Я была игроком. И моя партия только начиналась.

Глава 4

Утро в цитадели началось с переполоха. Тишину разорвал оглушительный рев — не сигнал тревоги, а яростный, полный бессильной злобы крик Дориана, эхом покотившийся по каменным сводам. Он доносился со стороны внутреннего двора.

Я уже была на ногах, закончив утреннюю медитацию. Обменявшись с Моргусом мысленным взглядом («*Шумный двуногий злится. Скучно*»), я вышла в коридор, на ходу поправляя амулет-личину на груди. Амон уже стоял у окна, выходящего во двор, с тем же невозмутимым видом, с каким кто-то другой мог бы наблюдать за течением реки.

— Что случилось? — спросила я, подходя. — Наместника убили? Или вино закончилось?

— Нечто более прозаическое, — ответил Амон, не отрывая взгляда от происходящего внизу. — И более показательное.

Во дворе, возле фонтана, стоял Дориан. Его лицо было искажено гневом, алая личина пылала. Перед ним, выстроившись в ровную шеренгу, стояли десять стражников цитадели. И у ног каждого лежала аккуратная стопка... игральных костей. Кости были странными, из темного, почти черного дерева, с вырезанными знаками, которые я не сразу узнала — стилизованные символы Пуджи, перевернутой песчаной

часовни.

— Контрабанда! — рычал Дориан, обращаясь к бледному как полотно капитану стражи. — Под носом у наместника! И вы, лучшие из лучших, даже не заметили, как ваши люди превратили караульные посты в игорные дома?!

— Мастер Дориан, я... я не знал... — мямлил капитан.

— А должен был знать! — Дориан пнул ногой ближайшую стопку костей, и они разлетелись с сухим стуком. — Это не просто нарушение устава! Это брешь! Через таких вот «игроков» Пуджи разносят информацию, подкупают стражу, прокладывают себе дорогу! Или вы думаете, это просто совпадение, что их знаки найдены здесь, сегодня, после вчерашнего нападения?!

Он был прав. И от этого его ярость казалась еще более беспомощной. Он ломал соломинки, пока сарай мог уже тлеть.

Я перевела взгляд на Амона.

— Ваших рук дело?

Он слегка пожал плечами, не выражая ни гордости, ни смущения.

— Рук? Нет. Но информация... да. Мои люди провели небольшую... ревизию ночью. Результаты я просто направил капитану стражи. Анонимно. Я полагал, он разберется сам. Но, видимо, энтузиазм Мастера Дориана не знает границ.

В его голосе звучала тонкая, ядовитая насмешка. Он подбросил Дориану факт, зная, что тот отреагирует именно так — шумно, публично, разрушая и без того хрупкое дове-

рие местной стражи. Дориан рубил сук, на котором сидел, а Амон спокойно наблюдал за этим, попивая воображаемый чай.

— Вы искусно стравливаете шакалов, — заметила я.

— Я просто расчищаю поле, — поправил он. — Шумная чистка заставит настоящих заговорщиков замести следы. А спешащий человек всегда оставляет больше мусора.

В этот момент во двор, сопровождаемая двумя фрейлинами, вышла Ланисса. Она увидела разгневанного Дориана, стражников с поникшими головами и разбросанные кости. На ее лице не было испуга, лишь легкая усталая грусть. Дориан, заметив ее, резко смолк, но напряжение в его позе не исчезло. Он что-то резко сказал капитану, и стража, подбирая позорные улики, начала неуклюже расходиться.

Ланисса медленно подошла к Дориану и что-то тихо сказала ему. Он наклонил голову, и его плечи немного опустились. Она коснулась его руки — легкое, быстрое прикосновение, полное неожиданной для нее смелости. Это был жест утешения. И принятия.

Я отвернулась. Мне стало не по себе. Эта сцена была слишком личной, слишком настоящей на фоне нашей грязной игры.

— Мило — произнес Амон, все так же глядя в окно.

— Скорее... озадачено, — ответила я. — Она пытается его успокоить. А он позволяет ей это. Интересный союз. Отчаяния и долга.

— Долг — это цепь, Араш. И некоторые так привыкают к ее тяжести, что начинают находить в ней утешение.

Его слова задели меня за живое. Цепи Храма... Я потрогала амулет-личину.

— Есть и другие способы, — тихо сказала я.

— Несомненно, — он наконец оторвал взгляд от окна и повернулся ко мне. — Например, проактивные. Вчерашний «цветочный инцидент» навел меня на мысль. Нам нужен свой человек внутри. Не среди стражи, а среди прислуги. Кто-то, кто видит и слышит то, что никогда не упадет на уши солдата.

Я насторожилась. Куда он клонит?

— И у вас уже есть кандидатура?

— Не кандидатура. Место, — поправил он. — «Рынок Шепотов». Тебе знакомо это название?

Черт. Он знал. Он знал о моих тайных каналах. «Рынок Шепотов» — не место, а сеть. Гильдия информаторов, с которой я имела дело через Лис. Контакты, которые я берегла для себя.

— Я... слышала, — осторожно сказала я.

— У меня есть доступ к одному из их агентов, — продолжил Амон, его голос был ровным, но в глазах читалась стальная хватка. — Но он не будет работать с чужаками из Храмов. А вот с кем-то, у кого есть репутация прагматичного профессионала, не обремененного излишней моралью... — Он сделал паузу, давая словам просочиться. — Твоя репута-

ция здесь бесценна, Араш. Они будут говорить с тобой. А я обеспечу финансирование и безопасность. Ты будешь ушами, а я кошельком и щитом.

Он не предлагал. Он констатировал. И в его тоне не было угрозы, лишь уверенность в том, что я соглашусь. Потому что это было разумно. Потому что «Рынок Шепотов» с его паутиной осведомителей был идеальным инструментом. Они могли узнать, кто заказал яд, кто подкупил стражу и куда ведут нити заговора.

Я ненавидела, когда мной манипулируют. Но еще больше я ненавидела проигрывать. И он предлагал мне не просто быть пешкой, а стать партнером в этой части операции. Сохранить лицо и контроль.

— Я встречусь с ними, — коротко сказала я. — Но я веду переговоры на своих условиях. И я решаю, какой информацией делиться.

— Естественно, — он кивнул, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. — Партнерство строится на доверии. И на взаимной выгоде. Пока наши интересы совпадают, я не вижу причин для конфликта.

Он повернулся и ушел, оставив меня у окна. Внизу Дориан и Ланисса все еще стояли у фонтана. Он что-то говорил, а она слушала, опустив глаза. Две птицы в золотой клетке, пытающиеся утешить друг друга.

А я... я только что заключила сделку с самым опасным человеком в цитадели. Но «Рынок Шепотов» был моей терри-

торией. И, как говорила Верда, иногда чтобы выиграть, нужно впустить волка в свое логово. Главное — всегда помнить, где спрятаны серебряные пули.

Моя пуля была спрятана не в кармане, а в памяти — карта Пустыни Генэ, которую мне подарила умирающая грифони-ха. И пока все здесь играли в свои игры с костями и шепотами, я не забывала, где лежит мой настоящий выигрыш.

Идея провести вечер в обществе крыс, воришек и торговцев смертью показалась мне куда более привлекательной, чем очередной ужин под аккомпанемент вздохов Ланиссы и яростного хрусталя Дориана, раздавливающего виноград в кулаке от избытка чувств. По крайней мере, с первыми можно было договориться. Их цена была известна, и они не притворялись благодетелями.

Амон, как и обещал, обеспечил «щит». В виде себя. Он стоял рядом, закутавшись в простой, темный плащ, скрывавший его синее одеяние и фиолетовые узоры. Его лицо было непроницаемо, но я чувствовала, как его внимание сканирует каждую тень, каждый звук в этом зловонном переулке на задворках Энкора. «Рынок Шепотов» был не местом, а явлением. Он возникал на ночь в разных точках города, как плесень на старой стене. Сегодня это была заброшенная скотобойня. Запах крови давно впитался в камни, смешавшись с

ароматами дешевого зелий и человеческого пота.

— Нервы в порядке? — его голос прозвучал тихо, без единой нотки насмешки. Просто констатация. Он был со мной показательно добр, как хирург перед сложной операцией.

— О, я в восторге, — проворчала я, поправляя свой собственный плащ. Под ним моя серая роба с ее бесценными карманами была готова ко всему. «Тихий Шёпот» и «Отзвук» мирно дремали у бедер, но я знала, что они проснутся в мгновение ока. — Люблю места, где атмосфера. Особенно когда она состоит на равных из вонь и предательства.

Мы вошли внутрь. Помещение было освещено чадающими факелами, бросавшими пляшущие тени на толпу оборванцев, перевертышей с волчьими и шакальими головами, и пару легатов с потухшими, серыми узорами — отщепенцев, променявших службу Империи на вольную жизнь в грязи. В воздухе висел гул приглушенных переговоров. Здесь не кричали. Здесь шептались.

Наш контакт сидел в дальнем углу на ящике из-под солевой рыбы. Человек в капюшоне, скрывавшем лицо. Перед ним на разостланной тряпице лежали безделушки — якобы древние амулеты, но я с первого взгляда определила подделку. Это была просто визитная карточка.

Я подошла, Амон остался в паре шагов, слившись со стеной.

— Слышала, ты ищешь покупателей на истории, — начала я, опускаясь на корточки напротив него. Мой голос был

низким и ровным. — У меня есть монеты. И интерес к одному конкретному цветку. Недавно завезенному в цитадель.

Капюшон слегка приподнялся. Пара острых, как буравчики, глаз оценила меня.

— Цветы — опасный товар, — просипел он. — Могут уколоть.

— Я в перчатках, — ухмыльнулась я. — И у меня есть средство от сорняков. Мне нужен садовник. Тот, кто его посадил.

Он покачал головой.

— Садовники не любят свет. Но... я слышал шепот. Говорят, за цветком стоит человек со шрамом. На левой руке. В виде змеи. И что этот человек часто бывает в порту. Общается с людьми Пуджи.

Шрам-змея. Пуджи. Это было что-то. Не все, но направление.

— Цена? — спросила я.

Он назвал сумму. Я достала кошелек и отсчитала ровно половину.

— Остальное — когда найду садовника. И если он окажется тем, кого ищу.

Он кивнул, быстро забрал монеты, и его фигура растворилась в тени, как будто ее и не было.

Я встала и кивнула Амону. Мы вышли на улицу, и ночной воздух показался на удивление чистым после вони скотобойни.

— Шрам в виде змеи, — проговорила я, когда мы отошли на безопасное расстояние. — И Пуджи. Это связывает нападение на улице с покушением в цитадели. Работает одна сеть.

— Эффективно, — заметил Амон. Его похвала звучала как отчет о результатах испытаний. — Вы установили контакт и получили конкретную зацепку без лишнего шума. В отличие от некоторых... массовых чисток.

Он, конечно, имел в виду Дориана. Всегда имел в виду Дориана.

— Может, он просто предпочитает прямой подход, — сказала я, больше из чувства противоречия. — Иногда таран полезнее отмычки.

— Таран ломает дверь, но не находит спрятанные за ней бумаги, — парировал Амон. Его голос стал жестче. — Мой брат всегда верил, что все проблемы решаются силой. Его отправили в элитную школу, потому что наш отец видел в нем идеального солдата. Послушного, яростного, не задающего лишних вопросов. — Он остановился и посмотрел на меня, и в его обычно холодных глазах горел странный огонь. — Меня же готовили быть главой Дома. Тот, кто правит, должен видеть связи, мотивы, последствия. Но я... я хотел не править скучными торгашами и интриганами. Я хотел мастерства. Настоящей силы, отточенной до совершенства. Я сбежал, чтобы поступить в Храм Безмолвного Камня. Чтобы доказать, что я достоин большего, чем просто рождение. А он... он получил все, что я отверг, и считает это привилегией.

В его словах не было злобы. Была горечь. И понимание пропасти между ними. Он презирал Дориана не за силу, а за то, что тот доволен своей ролью винтика в машине, которую Амон считал недостойной себя.

Мы шли молча. Я думала о его словах. О двух братьях, один из которых бежал от судьбы правителя, а другой — смирился с судьбой орудия. А я... я бежала от обеих этих судеб.

Внезапно Амон положил руку мне на плечо, резко останавливая меня. Я уже чувствовала сама — впереди, в переломке, замерли три фигуры. Перевертыши. С волчьими головами и голыми, покрытыми шрамами торсами. В их лапах поблескивали зазубренные клинки.

— Кошелек, оружие, и вы уходите целыми, — прорычал один из них.

Я вздохнула. Вечер действительно не задался.

— У меня есть встречное предложение, — сказала я, делая шаг вперед. — Вы убираетесь восвояси, а я не сломаю вам лапы.

Они зарычали и ринулись в атаку. Я не стала обнажать клинки. Это было бы слишком большой честью для них. Первый замахнулся — я уклонилась, поймала его руку, повернула и нажала пальцем точно на нервный узел у локтя. Его лапа повисла, как плеть, а сам он с визгом рухнул на колени. Второй попытался ударить сбоку, я присела, и его удар пришелся по спине его товарища, который как раз подни-

мался. Третий замер в нерешительности. Этого было достаточно. Я подошла и легонько, кончиками пальцев, ударила его в основание шеи. Он закашлялся, хватая ртом воздух, и осел на землю.

Все это заняло меньше десяти секунд. Я стояла, слегка запыхавшись, над тремя хныкающими телами.

— Импрессивно, — раздался голос Амона. Он не двинулся с места во время всей стычки. — Без летальной силы. Эффективно и... милосердно.

— Смерть — это навсегда, — пожала я плечами, отряхивая руки. — А сломанные кости и унижение — отличный урок. И, в отличие от трупа, они еще могут пригодиться в качестве источника информации.

Я наклонилась над тем, кого ударила в шею.

— Кто вас прислал? Быстро.

— Никто... сами... — прохрипел он.

Я вздохнула и нажала на другой нервный узел, на сей раз на его ребрах. Он завизжал.

— Ладно! Ладно! Нам заплатили... следить за всеми, кто выходит с «Рынка» и идет к цитаделе! Дали описание... девушки в темном плаще и высокого мужчины!

Амон нахмурился.

— Кто?

— Не знаю! Человек в капюшоне! Дал задание, деньги вперед!

Я отпустила его. Он рухнул на мостовую, хватая ртом воз-

дух.

— Значит, наш «садовник» уже знает, что его ищут, — заключила я, глядя на Амона. — И он делает ответный ход.

— Игра усложняется, — согласился он. На его лице не было страха, лишь холодный, острый интерес. — Но теперь мы знаем, что идем правильным путем.

Мы пошли дальше, к цитадели, оставив троих наемников остывать на камнях. У меня в голове уже складывался план. Порт. Шрам-змея. Пуджи. И кто-то, кто следил за нами. Это была уже не просто охрана невесты. Это была охота. И впервые за долгое время я чувствовала себя не дичью, а охотником.

И мой серебристый цветок на боку, кажется, пульсировал в такт этому новому, опасному ритму.

Глава 5

Порт Энкора встретил нас криками чаек, скрипом канатов и терпким запахом морской соли, гниющей древесины и чужих земель. После удушающей атмосферы цитадели и зловония «Рынка Шепотов» этот ветер свободы казался почти оскорбительным. Я стояла на краю причала, вглядываясь в лес мачт, и чувствовала, как Моргус где-то высоко в небе разделяет мое возбуждение. Его зоркие глаза были моими вторыми глазами, а его нетерпеливое: *«Много двуногих. Пахнет рыбой и... железом»* — накладывалось на мое собственное восприятие.

Амон стоял рядом, облаченный в маскировку простого торгового клерка — темный, немаркий камзол и плащ. Его фиолетовые узоры были тщательно скрыты, но я видела, как его взгляд, холодный и методичный, сканирует доки, сортируя людей по категориям: грузчики, моряки, таможенники, контрабандисты.

— Ищем человека со шрамом в виде змеи на левой руке, — пробормотал он, больше для себя, чем для меня. — Среди сотен портовых рабочих. Это все равно что искать одну отравленную иглу в стоге сена, который к тому же постоянно движется.

— Не будь так пессимистичен, — я потянула носом воздух. — Иглы обычно пахнут иначе, чем сено. Просто нуж-

но знать, что именно ищешь. Пуджи не любят тяжелый труд. Они предпочитают стоять в тени и считать чужие монеты. Ищем тех, кто слишком чист для дока, но при этом слишком бдителен для простого зеваки.

Мы разделились, договорившись встретиться у склада №7 через час. Я двинулась вдоль причалов, изображая из себя курьера, разыскивающего свой корабль. Мои чувства, обостренные годами тренировок, улавливали обрывки разговоров, взгляды, задержанные на мне чуть дольше положенного, нервные жесты. Большинство было невинно. Но одно пятно напряжения привлекло мое внимание.

У одного из складов, откуда пахло не рыбой, а дорогими умбарскими пряностями, стояли трое. Двое — типичные грузчики, потные и усталые. А третий... одетый слишком хорошо для дока, в камзоле из тонкой кожи, нервно теребил рукав своей рубашки, как бы поправляя его. И на его левом запястье, когда рукав на мгновение сполз, я увидела темную, извилистую линию. Змею.

«*Нашла иглу, Амон*», — мысленно доложила я, но, конечно, он меня не услышал. Я замедлила шаг, давая Моргусу время занять позицию для наблюдения.

В этот момент из двери склада вышел Дориан.

Великие Боги Хаоса, ну конечно. Он был в своих сияющих доспехах, его алая Личина горела как маяк, призывающий всех врагов Империи обратить на него внимание. Он что-то грозно выпрашивал у грузчиков, тыча пальцем в ка-

кие-то накладные. Его метод, как всегда, был тонок как удар тараном.

Человек со шрамом замер, его лицо вытянулось от страха. Он бросил взгляд на своих подручных и сделал шаг назад, к темноте склада. Это было все, что мне было нужно.

Я ускорила шаг, обходя Дориана широкой дугой, и бесшумно юркнула в темный проход между складами, чтобы перехватить беглеца, с другой стороны. Я слышала за спиной возмущенный возглас Дориана, но не обернулась.

Человек со шрамом выскочил с заднего хода и почти столкнулся со мной грудью. Его глаза расширились от ужаса.

— Куда так спешно, дружище? — спросила я, блокируя ему путь. — Уронил что-то?

Он попытался оттолкнуть меня, но я поймала его руку со змеей, провернула и прижала его самого к стене. Он был хилым, не бойцом.

— Не... не трогай меня! У меня есть защита! — захрипел он.

— Сомневаюсь, что твои друзья-грузчики спасут тебя от Мастера Храма Хаоса, — тихо прошипела я ему в ухо. — И от того рыцаря в сияющих доспехах, которого ты только что видел. Говори. Кто тебе платит? Кто заказал цветы для цитадели?

Он затрясся.

— Я не знаю имени! Клянусь! Мне оставляли сообщения... деньги в условленном месте... Я всего лишь передавал

заказы!

— Кому? — я усилила давление.

— Одному из стражников цитадели! Рыжему, с шрамом над бровью! Он... он должен был подменить яд на безвредный порошок! Это была просто... демонстрация! Проверка бдительности!

Ложь. Сладкая, липкая ложь, пахнувшая страхом. Но в ней была и крупица правды. Проверка.

Внезапно он судорожно рванулся, и из его рукава выпал маленький стеклянный шарик. Он разбился о камни, и облако едкого розового дыма окутало нас.

Я отшатнулась, отпустив его, но не от дыма — я была невосприимчива к большинству ядов. От звука, от низкого, пронзительного визга, который исходил из дыма. Он подал сигнал.

Из-за угла вышли двое новых людей. Не грузчики. Не наемники. Их лица были скрыты капюшонами, а в руках они сжимали устройства иномирцев, те самые, что испускали белые лучи.

Белая Чума. Здесь.

Я метнулась в сторону, уходя с линии атаки. Ослепительная белая полоса прочертила стену за моей спиной, оставив после себя дымящуюся борозду. Мое сердце заколотилось. Это была уже не игра в шпионов. Это была охота.

«Амон! У меня иномирцы! У склада с пряностями!» — мысленно крикнула я, зная, что это бесполезно.

Я обнажила «Тихий Шёпот». Клинок запел в моей руке, коротко и яростно. Я не могла позволить им стрелять — риск для окружающих был слишком велик. Я рванулась вперед, в зону ближнего боя, где их технологическое превосходство было меньше.

Один из них развернул свой излучатель, но я была слишком близко. «Тихий Шёпот» описал дугу и выбил устройство из его рук. Второй иномирец попытался прицелиться, но вдруг замер, его тело сковали невидимые путы. Он упал на колени, словно марионетка с перерезанными нитями.

Из тени вышел Амон. Его лицо было бледным и сосредоточенным, а пальцы складывали сложную руну. Его магия не была разрушительной. Она была сковывающей, удушающей.

— Беглец? — бросил он, его голос был напряжен.

— Слинял, как крыса, — ответила я, приставляя нож к горлу обезоруженного иномирца. — Но мы поймали двух куда более интересных птиц. И они, я уверена, захотят поговорить.

Где-то вдали послышались крики Дориана и звон доспехов. Наш «рыцарь в сияющих доспехах» наконец-то подоспел. Как всегда, к шапочному разбору.

Я посмотрела на Амона. Он смотрел на меня. В его глазах не было страха. Не было даже удивления. Было холодное, безжалостное понимание. Игра изменилась. Заговор против невесты был лишь ширмой. Настоящая битва была с теми, кто пришел из-за пределов этого мира. И мы с ним, похоже,

оказались на передовой.

А где-то там, в пустыне Генэ, ждал ключ. Ключ, который, возможно, мог открыть не только сундук с сокровищами, но и дверь в другую реальность. И эта мысль становилась все менее безумной и все более... привлекательной

Допрос пленных иномирцев оказался делом безнадежным. К тому времени, как Дориан, громыхая доспехами, ворвался в переулок, оба лежали бездыханными. Не самоубийство, просто их костюмы сработали на какую-то химическую или энергетическую инъекцию при попытке пленения. От них остались лишь обугленные устройства да едкий запах озона и сожженной плоти.

Дориан был вне себя. Его ярость, на этот раз, имела вескую причину.

— Вы! — он повернулся ко мне, его желтые глаза пылали. — Вы знали! Вы вышли на след и не сказали мне! Вы позволили им ускользнуть!

— Они не ускользнули, — холодно парировала я, протирая плащом лезвие «Тихого Шёпота». — Они мертвы. А твой громкий подход, Дориан, спугнул мелкую рыбешку, которая могла бы привести нас к большому улову. Человек со шрамом скрылся, пока ты красовался перед складом.

— Я выполнял свой долг! Проверял доки на предмет контрабанды! А вы... вы играете в свои грязные игры, Араш!

Как всегда!

Амон, до этого молча наблюдавший, сделал шаг вперед. Его лицо было маской учтивой язвительности.

— Брат, твой долг едва не стоил нам единственного следа, ведущего к настоящим заговорщикам. Пока ты переворачивал бочки с сельдью, мы нашли иглу. И едва не поймали руку, что ее держит. В следующий раз, прежде чем применять свой... прямой подход, подумай, не рубишь ли ты сук, на котором сидишь.

Дориан сжал кулаки, его алая личина вспыхнула так ярко, что на мгновение осветила его искаженное злобой лицо.

— Не учи меня, беглый предатель! Ты здесь лишь по моей милости и милости наших родителей!

Амон лишь улыбнулся, тонко и холодно.

— О, я здесь исключительно благодаря своим заслугам. В отличие от некоторых, кто занимает место по праву рождения.

Я видела, как дергается мышца на щеке у Дориана. Еще секунда — и он бросится на брата. Этого было нельзя допустить.

— Хватит! — мой голос прозвучал резко, как удар хлыста. Оба обернулись ко мне. — Ваше братское соперничество может подождать. Иномирцы здесь. В Энкоре. И они явно не за тем, чтобы полюбоваться на архитектуру. Они провели разведку на улице, попытались отравить невесту и теперь устроили засаду на нас. Они знают о нас все. А мы все

еще гадаем, кто их местный пособник.

Мой прагматизм остудил их пыл. Дориан с силой выдохнул, отступив на шаг. Амон сохранил свою ядовитую улыбку, но в его глазах читалось удовлетворение — я сделала его работу, укротив горячего брата.

— Что ты предлагаешь? — сквозь зубы процедил Дориан.

— Мы возвращаемся в цитадель, — сказала я. — И меняем тактику. Охрана не работает, когда враг уже внутри. Нужна... профилактика.

Вернувшись в цитадель, я почувствовала себя в ловушке. Каменные стены, которые должны были защищать, теперь давили. Каждый взгляд стража казался подозрительным. Каждый шепот фрейлин — заговором. Я стояла в своей камерке, глядя на багровый закат за окном, и чувствовала, как время утекает сквозь пальцы, как песок в Пустошах.

Араш... скучно... — в моем сознании занял Моргус. Он скучал по просторам, по ветру в перьях. *Когда уйдем? Когда полетим к блестящим камням?*

Скоро, малой. Скоро, — мысленно успокоила я его, сама не веря в свои слова. Сокровища в пустыне, моя свобода, моя независимость — все это отодвигалось на неопределенный срок из-за этой проклятой миссии.

Внезапно дверь бесшумно открылась. В проеме стоял Амон. Он вошел, закрыл за собой дверь и прислонился к ней, скрестив руки.

— Они активизируются, — произнес он без предисловий.

— Наша маленькая стычка их спугнула. Теперь они либо уйдут в глубокое подполье, либо нанесут удар быстро и решительно.

— Спасибо, капитан Очевидность, — я повернулась к нему. — Есть идеи, как их опередить?

— Возможно, — он помедлил, его взгляд скользнул по моей фигуре, будто оценивая прочность. — Тот человек со шрамом... он испугался не нас. Он испугался их. Иномирцев. Он — слабое звено. И он где-то здесь, в городе. В панике крысы бегут в свою нору.

— И ты предлагаешь прочесать весь Энкор? — я подняла бровь.

— Нет. Я предлагаю дать ему почувствовать себя в безопасности. Создать иллюзию, что мы отступили. Что сосредоточились на обороне цитадели. — Он сделал паузу. — А в это время... кто-то незаметный сможет продолжить поиски. Кто-то, кого не будут ассоциировать с Храмами.

Он смотрел на меня. Он не произнес это вслух, но предложение висело в воздухе. Он останется, чтобы поддерживать иллюзию и управлять Дорианом. А я... я должна уйти. Использовать свои навыки мимикрии, чтобы раствориться в городе и найти эту крысу.

Это было рискованно. Оставить свой пост. Но это была также и возможность. Возможность не только найти заговорщиков, но и... сделать шаг к своей цели. Порт был рядом. Дороги на юг, к Пустошам Кхарна и пустыне Генэ, начина-

лись здесь.

— У тебя есть план? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал нейтрально.

— У меня всегда есть план, — он достал из складок своего плаща маленький свиток. — Карта города. Места, где любят прятаться такие, как он. И... кое-что еще. — Он протянул мне маленький камень, тускло мерцавший синим светом. — Камень связи. Очень редкий. Если ты найдешь его... коснись камня и произнеси мое имя. Я услышу. И приду.

Я взяла камень. Он был холодным и гладким. Это был не просто инструмент. Это был знак доверия. Или очередная хитрость в его игре.

— Почему я? — спросила я прямо. — Почему не один из твоих людей из Безмолвного Камня?

— Потому что мои люди... предсказуемы для тех, кто нас изучает, — ответил он. — А ты... нет. Ты дикая карта, Араш. И в этой партии именно дикие карты решают исход.

Он повернулся, чтобы уйти, но на пороге остановился.

— И, Араш... будь осторожна. Не с заговорщиками. С собой. Не увлекайся поисками настолько, чтобы забыть, зачем ты здесь.

Он вышел, оставив меня наедине с мерцающим камнем и бурлящими мыслями. Он знал. Черт возьми, он знал о моих планах. И он... не препятствовал. Он давал мне спасение — веревку. Вопрос был в том, чтобы я на ней повесилась... или использовала, чтобы выбраться из колодца.

Я разжала пальцы и посмотрела на камень. А потом на карту. А потом — в окно, на багровый горизонт, за которым лежала пустыня.

Возможно, это был мой шанс. Найти заговорщика, сорвать планы иномирцев... и исчезнуть. Взять то, что принадлежало мне по праву, и начать жизнь, свободную от долгов.

Решение созрело во мгновение ока. Быстро, как удар скорпиона.

Я подошла к своему походному мешку и начала готовиться. Не как Мастер Храма, отправляющийся на задание. А как Араш, готовящаяся к собственному, самому важному путешествию.

Игра входила в решающую стадию. И я наконец-то переставала быть пешкой.

Глава 6

Сменить робу Мастера на потертый плащ бродяги, спутать волосы в нарочито небрежный пучок и натереть лицо дорожной пылью — что может быть проще? Прелесть маскировки не в сложности, а в деталях. Я сутулилась, шаркая ногами, и моя походка была тяжелой и усталой, совсем не похожей на бесшумную поступь легата. В руке я сжимала пустую флягу, изображая подвыпившую торговку, возвращающуюся с неудачного дня. Идеальный образ, чтобы слиться с ночной жизнью портового района.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.